

УДК 316.347
ББК 60.545.1
О 93

В.Н. Кирой,

доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории этнокультурных проблем НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79286117305, e-mail: kiroy@sfedu.ru

З.М. Хачецуков,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79604994884, e-mail: xzm@list.ru

С.А. Ляужева,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +7(8772)524578, e-mail: lyausheva@rambler.ru

Н.А. Ильинова,

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184926097, e-mail: nady_i@bk.ru

ОЦЕНКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕРОВ¹

(Рецензирована)

Аннотация: В статье представлены эмпирические данные, полученные в рамках реализации второго этапа научного проекта № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования», поддержанного РНФ. Приведенные социологические и психологические замеры, осуществленные в ряде регионов Юга России, позволяют сделать вывод о возможной корреляции методов различных наук при оценке этносоциальных процессов.

Ключевые слова: этносоциальные процессы, социологические замеры, психологические замеры, междисциплинарные исследования, этнизация, межэтническая напряженность, иноэтнические компоненты, социальная комфортность.

V.N. Kiroy,

Doctor of Biology, Professor, Leading Researcher of Laboratory of Ethnocultural Problems of Scientific Research Institute of Complex Problems, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79286117305, e-mail: kiroy@sfedu.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования»

Z.M. Khachetsukov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79604994884, e-mail: xzm@list.ru

S.A. Lyausheva,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy and Sociology Department, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +7(8772)524578, e-mail: lyausheva@rambler.ru

N.A. Piyinova,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Philosophy and Sociology Department, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184926097, e-mail: nady_i@bk.ru

ASSESSMENT OF ETHNOSOCIAL PROCESSES IN THE SOUTH OF RUSSIA ON THE BASIS OF SOCIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL MEASUREMENTS

Abstract: The paper presents the empirical data obtained within implementation of the second stage of scientific project No. 15-18-00148 “Ethnosocial processes and interethnic intensity in the south of Russia: perfecting analytical tools and ways of regulation”, supported by RNF. The sociological and psychological measurements made in a number of regions of the South of Russia made it possible to draw a conclusion that correlation of methods of various sciences is needed at assessment of ethnosocial processes.

Keywords: ethnosocial processes, sociological measurements, psychological measurements, interdisciplinary researches, ethnization, interethnic intensity, nonethnic components, social comfort.

Научный коллектив кафедры философии и социологии АГУ, выполняющий проект РНФ, в 2016 году завершил полевой этап исследования этносоциальных процессов в регионах Юга России, что позволило получить первые эмпирические данные и осуществить попытку корреляции результатов социологических опросов и психологических замеров.

Приведем результаты социологических замеров. Блоки вопросов социологической анкеты были направлены на исследование таких вопросов, как:

а) степень этнизации респондентов (включенность в этнические процессы, важность этнических характеристик для повседневной жизни, выраженность этнической идентичности);

б) отношение респондентов к состоянию этнических процессов (статус этнических групп);

в) признание респондентами наличия элементов межэтнической напряженности (на индивидуальном и групповом уровнях);

г) выражение респондентами отношения к иноэтничному компоненту в своем социальном окружении (в том числе степень толерантности);

д) видение респондентами причин и характера межэтнической напряженности в регионе;

е) оценка состояния комфортности респондентов;

ж) оценка респондентами деятельности различных социальных институтов по регулированию этносоциальных процессов и преодолению межэтнической напряженности в регионе;

з) оценка респондентами перспектив региональных этносоциальных процессов.

В рамках данных блоков были получены следующие результаты.

Блок А. Сначала отметим, что практически все элементы этничности (язык, традиции, религия, земля, менталитет, общее прошлое) признаются респондентами как важные. На первое место тут можно ожидаемо выделить родной язык (68%). Свои знания собственной и чужой этнических культур респонденты оценивают в целом положительно (75% – не менее чем средние, из них около 36% – как хорошие и скорее хорошие, чем плохие).

Этнизация исследуемой совокупности может диагностироваться в умеренной степени, с определенным превышением указанного уровня в кавказских республиках над другими исследованными регионами. Так, например, в группе вопросов, связанных с посещением мероприятий этнического характера, более половины опрошенных ответили, что посещают с постоянной периодичностью в основном праздничные и торжественные мероприятия, носящие этнический характер, в то время как собрания религиозных и политических этнических групп наоборот не посещают свыше 60%. Это может говорить о привычности жителей региона к презентации этнической культуры, но низкой социальной вовлеченности в обсуждение и решение вопросов этноса. Различия по регионам в целом незначительные, но они имеют место: так, по регулярному посещению этнических мероприятий самые низкие показатели (2,6%) – у жителей Ростовской области, а самые высокие отмечены в трех кавказских республиках (свыше 18%).

Нет существенного расхождения и в вопросе площадки обсуждения этнической проблематики. Проблемы своего этноса обсуждаются жителями региона в семье (более 80%), на работе (свыше 65%), в социальных сетях (свыше 40%), но редко выносятся на повестку дня в этнических, социальных, религиозных организациях (в районе 15% по каждому варианту). Это еще раз

подтверждает низкую активизацию этнической идентичности вне поля культуры в регионе. Также отметим, что проблемы других этносов вообще не являются актуальной темой для обсуждения среди респондентов. Ни по одному из возможных вариантов площадки обсуждения не было набрано более 10%.

Тем не менее, общим для всех регионов стал ожидаемо высокий уровень актуальности этнического взаимодействия. На вопрос: «Часто ли Вы соприкасаетесь в повседневной жизни с представителями другой национальности (этнической принадлежности)?», в среднем, половина указала на перманентный характер такого взаимодействия, что в совокупности с ответом «часто» составляет более 82%. Другим таким аргументом является общая положительная характеристика респондентами полиэтничности своего окружения («меня окружают представители разных национальностей, и меня это устраивает» – около 60%).

Блок Б. Еще одно различие по регионам можно заметить в вопросе оценки положения своего этноса респондентами. Наиболее уверенно здесь чувствуют себя как раз представители Краснодарского края (50%) и Ростовской области (48,3%) – считают, что их этнос в регионе доминирует. А представители кавказских республик куда менее уверены в себе – здесь результаты уже в районе 30%. В подтверждение можно привести данные, что в этих же республиках самый значительный процент отказа от определения респондентом своей национальности (этничности) (для КБР и КЧР этот показатель превышает 35%, тогда как в Краснодарском крае (КК) этот показатель меньше 5%). Это говорит нам о наличии определенных противоречий и сложностей в этносоциальных процессах в «этнических» регионах Юга России.

Блок В. Тем не менее, в оценках респондентами межэтнических

взаимодействий преобладают (около 54%) положительные оценки, лишь 32,5% указывают на латентное, а только около 5% – явное напряжение. Любопытно, что лидерами по латентной напряженности оказались Ростовская область (47,4%) и Краснодарский край (40,1%). Мы полагаем, это стоит связать не с собственно этническими процессами, а с тем, что данные регионы в большей степени подвержены конкуренции за ресурсы между местными жителями и иноэтничными мигрантами, что можно подтвердить данными из следующих блоков.

Блок Г. В оценках существующего положения в сфере межэтнического взаимодействия отмечается довольно оптимистичная оценка респондентами своего окружения. Почти 90% указывают на положительное или нейтральное (в кавказских республиках превалирует положительное, в Ростовской области (РО) и Краснодарском крае (КК) – нейтральное) оценивание представителей других этносов в различных дискуссиях. Более 90% не склонны оценивать человека по его этнической принадлежности. В то же время столкновения на этнической почве в своем регионе хотя бы время от времени признают более 50% опрошенных, а в фактах пусть редкого, но ущемления своих прав по национальному признаку призналось чуть более 12% (не такой плохой показатель, учитывая, что отрицали такие практики более 75%).

Блок Д. В данном блоке мы попытались выявить факты и факторы неприязни к представителям других этносов, а также оценить отношение респондентов к иноэтничному компоненту своей повседневной жизни через категорию доверия. Результаты вполне соответствовали нашим ожиданиям. Самый крупный фактор, вызывающий негативное отношение к представителям других этносов,

– поведенческий (более 40%, РО и КК – свыше 50%), т.е. неуважение к общим традициям, несоблюдение культурных паттернов и правил поведения в обществе. Данный фактор не связан с этничностью напрямую, он является результатом низкой степени адаптации и интеграции (опираясь на данные, полученные нами, а также другими исследователями, мы можем заключить, что респонденты негативно оценивают не столько «инаковость» иноэтничных мигрантов, сколько их «чуждость»).

Оценка доверия дала интересные результаты. Если своя национальность всеми респондентами оценивается в целом как заслуживающая доверия (свыше 60%), то чужим национальностям склонны больше доверять (41%), чем не доверять (25%). Из национальностей больше всего доверия русским (50%), но и по остальным вариантам (кавказцы, жители Средней Азии, приезжие с Украины) склонность скорее к доверию, хотя в последнем случае перевес очень незначительный, и в некоторых регионах ситуация обратная.

Мы предложили респондентам «примерить» на представителях других этносов различные социальные статусы и увидели в целом положительное отношение. С гражданами РФ, жителями своего региона, друзьями другой национальности согласились около 66%, чуть меньше количество тех, кто согласился рассмотреть представителя другой национальности в качестве супруга/супруги (46%), с определенным преобладанием респондентов мужского пола в данном положительном ответе. Это говорит об открытости жителей региона для межэтнической коммуникации разных уровней.

Блок Е. Оценивая комфортность для респондентов существующего состояния этносоциальных процессов в регионе, мы не увидели серьезных признаков дискомфорта.

Наличие межэтнической напряженности отметили 34% (против 28%), наличие межконфессиональной – около 30% (против 38%). Здесь следует отметить, что самые высокие показатели напряженности опять были у РО (около 50% – межэтническая, около 37% – межконфессиональная), а также то, что по данным вопросам отмечен довольно высокий процент затрудняющихся ответить (свыше 30%), очевидно респондентам было сложно однозначно классифицировать существующую ситуацию. Личное столкновение с интолерантностью более половиной респондентов было указано как редкое, однако лишь 14% отметили, что никогда с ней не сталкивались, а 17,5% заявили, что это происходит часто (в лидерах вновь РО – тут так ответила четверть опрошенных). С собственной неприязнью к представителям других народов тоже все достаточно положительно – ее не испытывают около 60% ответивших, а еще 21% испытывает неприязнь к тем, кто «пренебрежительно относится к обычаям и традициям моего народа», что еще раз подтверждает тезис о неэтническом характере отмечаемой напряженности. Как позитивную оценку можно выделить и тот факт, что около 80% выразили готовность вступить за оскорбляемого по этническому признаку.

Межэтническую обстановку как скорее благоприятную оценили около 75%, межконфессиональную – около 65% (процент затруднений в ответе, как и в предыдущем вопросе общего характера, тоже довольно велик).

Больше половины респондентов признались, что ощущают положительные изменения в жизни, но, однако, не связывают их с этносоциальными процессами, а скорее – с экономическими или личными изменениями. Впрочем, около 13% заявивших о негативных изменениях в своей жизни также с

этносоциальными процессами эти изменения не связывают.

Стараясь оценить такой важный для исследуемой проблематики фактор, как миграция, мы получили следующие данные. Мнения относительно динамики миграции разделились примерно поровну, так же как и оценка влияния (положительное/отрицательное). Особый интерес представляют ранжированные ответы, которые были даны с целью определения приоритетов респондентов. Так, в оценке факторов межнациональной напряженности по всем регионам (кроме КБР) на первое место выдвинулся фактор «несовместимых норм и правил поведения», о чем мы уже говорили, а на последнее – «быстрый рост численности этнических групп». Распределение других факторов частично отражает некоторую специфику социально-экономического положения в регионах. Так, «конкуренция (соперничество) за землю» среднеактуальна в Ставропольском крае и менее всего актуальна в Ростовской области. «Конкуренция за рабочие места» достаточно актуальна для Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, а вот фактор этнической преступности там крайне низок. «Показное благосостояние представителей этнических групп» среднеактуально только для Краснодарского края и т.д.

Схожие выводы можно сделать и на основании второго ранжирования – распределение черт, не устраивающих в иноэтнических мигрантах. Здесь на первое место (опять почти однозначно) выходят «манеры поведения», а на второе – «неуважительное отношение к обычаям и законам местного населения», а «внешний вид» находится в конце списка (кроме КЧР, там это третья позиция).

Блок Ж. Оценивая отношение респондентов к деятельности социальных институтов в области межнациональных отношений, мы отметили следующее.

Действия СМИ более чем 40% респондентов оцениваются отрицательно (больше всего отрицательных оценок – РО, меньше – КБР), при том что 30% в то же время считают, что этот институт уделяет достаточно времени вопросам межэтнического взаимодействия. Т.е. проблема, по мнению респондентов, заключается не в интенсивности воздействия, а в его векторе. Больше половины респондентов при этом отрицают, что на их отношение к лицам других национальностей СМИ оказывает влияние.

Действия государства считают достаточными 41% (45% – не считают достаточными или не вполне достаточными). Приблизительно такие же цифры относительно института образования. Самую высокую оценку достаточности действий получил институт семьи – 65%. Роль патриотического воспитания как положительную оценили около 75%. Все этого говорит о том, что жители региона в целом не вполне понимают, что и как делает государство и государственные институты в направлении нормализации межэтнических отношений, а в ряде случаев даже считают некоторые действия негативно влияющими на их состояние. Куда больше доверия вызывают личные горизонтальные связи и неформальные институты общения.

Оценивая потенциал этничности, респонденты несколько затруднились в ответах на вопросы, имеет ли значение этничность при приеме на работу или в карьере чиновника. Чуть большая определенность в вопросе бизнеса – почти половина респондентов считают, что этничность ни положительно, ни отрицательно не влияет на возможность открыть свое дело.

Блок 3. Предложив респондентам пары взаимоисключающих суждений о этносоциальных процессах в стране, мы получили весьма косвенные данные. Дело в том, что респонденты в большой массе

одинаково охотно соглашались на противоположные суждения. К сожалению, из этого можно сделать только вывод о том, что (как и говорилось ранее) представление жителей региона об этносоциальных процессах и состоянии межэтнического взаимодействия несистемны, фрагментарны и обычно не выходят за пределы повседневных практик, а потому не могут стать базой для формирования целостной позиции, которая может быть основой для совершения социальных действий.

Оценивая перспективы развития родного этноса, респонденты связывают их, прежде всего, с судьбой родного языка (34%). Также любопытно высокое (около 40%) значение фактора «повышения рождаемости среди представителей Вашей национальности» для Краснодарского края. Данные вполне согласуются с демографией региона.

Таким образом, первоначальные выводы, сделанные на этапе предварительного анализа эмпирики социологического исследования, вполне подтверждаются.

Рассмотренные регионы различаются по степени этнизации, но более всего – по степени социально-экономического положения. Большинство факторов напряженности имеют корни именно в социально-экономических проблемах, но могут принимать форму межэтнической и/или межконфессиональной напряженности ввиду активизации процесса этнической мобилизации в процессе конкуренции за ресурсы и статусы.

Специфика региона как полиэтничного пространства накладывает определенный отпечаток на межэтническое взаимодействие. Обладая большим опытом опривыченных методик аккультурации, жители Юга России несколько иначе реагируют на иноэтнический компонент, например, миграционный. Конфликтогенными становятся не элементы отличия от основной (принимающей) культуры, а элементы нарушения

сложившихся институциональных паттернов культурной интеграции и адаптации в данный социум.

В сознании жителей региона нет общего системного представления об этносоциальных процессах как внутри, так и вне региона, несмотря на то, что их влияние ощущается. Однако существует позитивная установка на сохранение и поддержание мирного сосуществования, негативное отношение к любым попыткам нарушить сложившиеся связи и баланс статусной системы, общая установка на толерантность и доброжелательность, очевидно, выработанная в результате многолетнего процесса взаимной культурной адаптации [1].

Жители региона в вопросах межкультурного взаимодействия полагаются в основном на горизонтальные связи и неформальные институты, признавая при этом высокое значение роли государства и его институтов, но не до конца понимая их действия и методы. Это же приводит к достаточно низкому уровню гражданской инициативы, политического участия в решении вопросов межэтнического и межконфессионального взаимодействия [2]. Уровень этнизации различных групп региона еще не достиг окончательного оформления собственной социальной субъектности.

Что касается психологического исследования, то главными определяемыми показателями были:

- 1) А – уровень личной тревожности;
- 2) В – уровень ситуативной тревожности;
- 3) С – индекс враждебности;
- 4) D – индекс агрессивности.

Показатели А и В контрольно проверялись другим параллельным тестом на тревожность.

По результатам обобщенного исследования в шести регионах можно сделать следующие выводы:

По параметру А.

Уровень личной тревожности отмечается очень высокий по всем

регионам. В среднем, очень высокий уровень отмечается почти у половины исследованных, самый высокий процент – для Карачаево-Черкесии (75%).

Столь высокий уровень мы относим скорее к сложности современной социально-политической и социально-экономической ситуации в стране и на ее границах, чем к межнациональной напряженности. Последовательное сравнение результатов тестируемой группы с ответами социологической анкеты, особенно блока Е, показало, что испытуемые с высокой личной тревожностью не продемонстрировали большей озабоченности своим этническим статусом, чем с меньшей тревожностью в той же группе, а причины негативных изменений в своей жизни не связывали с этническими процессами. Более высокий уровень личной тревожности (вызванной стрессом) наблюдается в крупных городах (Ростов-на-Дону, Краснодар), а также в КЧР, но там можно найти другие факторы стресса. В то же время отмеченные в социологической анкете высокие параметры толерантности и ценности сохранения статуса могут заставить респондентов искажать рациональный уровень проверки в социологическом тесте.

Еще раз это подтверждают данные по блоку В. Ситуативная тревожность испытуемых находится тоже в высоких, но менее выраженных позициях. Средние проценты тут распределились равномерно между очень высоким и средним уровнями (по 41%), а в ряде регионов склоняются в сторону умеренного уровня (Республика Адыгея – 70% / 23%, Ростовская область – 50% / 43%, Ставропольский край – 56,6% / 33%). Более того, отмечены показатели крайне низкой (свойственной депрессии) тревожности (до 36,6% в КБР), причем, что любопытно, в Кабардино-Балкарии наблюдается очень большая дисперсия: от 36,6% – очень низкий

уровень и 50% – очень высокий, некоторые промежуточные уровни вообще отсутствуют. Конечно, надо учесть невысокое количество выборки, но даже в этом случае можно скорее связать указанные уровни с социально-экономическим и социально-политическим положением в регионах, чем с этносоциальным положением. Последовательное сравнение результатов тестируемой группы с ответами социологической анкеты, особенно блоков Б и В, также показали, что уровень ситуативной тревожности не отражается на ответах относительно уровня межэтнической напряженности и социального окружения респондентов. Сравнение общей картины жизни в «сонной» РА и в беспокойных КЧР и КБР – на наш взгляд, вполне отражает полученные данные. Опять же – не исключая факта искажения рациональным сознанием ответов в анкете из желания позитивной интеракции, а также под воздействием стереотипов коллективного сознания, ведь именно они могли послужить причиной выбора того или иного ответа на вопросы анкеты.

По блоку С.

Уровень враждебности, в среднем по региону, тяготеет к нормальному (54,5%), но немало и высокого уровня (41,5%), что впрочем распределилось по регионам не совсем равномерно. Самый высокий уровень – РО (66,6%) и самый низкий – КБР (30%), тут можно обратить внимание на данные предыдущего блока и уровень сверхнизкой тревожности в КБР. Последовательное сравнение результатов тестируемой группы с ответами социологической анкеты, особенно блоков Г и Д, не выявило значительного превосходства испытуемых с высоким уровнем враждебности в ответах, показывающих их неприязнь к иноэтничным окружающим, над испытуемыми с нормальным уровнем враждебности в тех же ответах. Допускаем, что данный уровень враждебности может быть канализирован в практике

ксенофобии по отношению к этническим группам, однако пока такого не наблюдается, либо по причине того, что респонденты себя контролируют на стадии ответа, либо эта враждебность канализирована в другие направления. Более точные данные будут получены после завершения обработки психофизиологической составляющей тестов.

По блоку D.

Уровень агрессивности, напротив, выдал крайне невысокие показатели. Средний процент для низкого уровня – 45% (от 72% в Ставропольском крае до 27% в Краснодарском). Средний процент для среднего уровня – 50%. Высокий уровень не превышает 4,5% в общем, причем для РА и КЧР высокий уровень вообще не зафиксирован. Такое сочетание высокой враждебности и низкой агрессивности как нельзя лучше подходит к выводам по социологической части. Подавленность и низкая инициативность, отсутствие веры в формальные институты, мы полагаем, именно так должны отражаться на психическом состоянии индивидов. Последовательное сравнение результатов тестируемой группы с ответами социологической анкеты, особенно блоков А, Г и Д, не показало существенной разницы между ответами низкого и нормального уровней, но зато довольно адекватно отразило ответы касательно стремления к активным действиям. Не будем и тут отрицать возможность латентной и подавленной рациональным мышлением агрессии, последнюю точку тут может поставить результат психофизиологической части теста.

Таким образом, в результате работы 2016 г. с эмпирическими данными, были достигнуты основные цели, поставленные перед исследовательским коллективом на указанный срок. В оставшийся период необходимо еще раз отработать методику корреляции (уже с учетом психофизиологической диагностики) и выйти на оценку данной методики.

Примечания:

1. Этносоциальные процессы: региональное измерение / З.А. Жаде, Н.А. Ильинова, В.Н. Киров, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, В.Н. Нехай, З.М. Хачецуков, Р.Д. Хунагов, А.Ю. Шадже, А.А. Шаов. Майкоп, 2015.

2. Potential of traditional culture in the conditions of radical modernism / A.A. Shaov, V.N. Nekhay, I.K. Shaov, N.A. Ilyinova, S.A. Lyausheva // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6, № 5. С. 357-368.

References:

1. Zhade Z.A., Ilyinova N.A., Kiroy V.N., Kukva E.S., Lyausheva S.A., Nekhay V.N. Khachetsukov Z.M., Khunagov R.D., Shadzhe A.Yu., Shaov A.A. Ethno-social processes: a regional dimension. Maikop, 2015.

2. Shaov A.A., Nekhay V.N., Shaov I.K., Ilyinova N.A., Lyausheva S.A. Potential of traditional culture in the conditions of radical modernism // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 5. Sl. P. 357-368.